

Хроника научной жизни

Общероссийская конференция «Республиканизм: теория, история, современные практики»

(Исследовательский центр *Res Publica* ЕУСПб, 16 декабря 2022 года)

DOI: 10.53953/08696365_2023_182_4_384

16 декабря 2022 года в Европейском университете в Санкт-Петербурге уже в шестой раз прошла ежегодная общероссийская конференция «Республиканизм: теория, история, современные практики», организованная центром «Res Publica». Уже с уверенностью можно сказать, что за прошедшие годы эта регулярная конференция стала настоящей точкой сборки для русской политической философии и выработки актуального языка по описанию современной нам социальной реальности. Общей темой этого года стал *цезаризм* — интереснейший феномен и сложная проблема современной политической теории и исторических исследований, не потерявшая своей актуальности еще с античных времен. Участниками конференции, известными на международном уровне учеными и исследователями, были реконструированы истоки цезаристских практик, их рецепция в разных культурах и политических сообществах, трансформация цезаризма и его частных случаев на протяжении истории, а также те риски и вызовы, которые он несет в современном мире¹.

Первая секция, «Античные и средневековые истоки цезаризма: Цезарь, Август и другие», модератором которой выступил *Александр Марей* (НИУ ВШЭ, Москва),

1 Прошедшее обсуждение можно поместить в общий контекст как со схожими конференциями, посвященными сугубо тематике цезаризма («Caesarism and Democracy: Historical and Normative Perspectives», Princeton University, 15–16 ноября 2019, см.: <https://uchv.princeton.edu/events/caesarism-and-democracy-historical-and-normative-perspectives>), так и с близкими конференциями по широким республиканским проблематикам, например с прошедшей в третий раз «The Venice World Multidisciplinary Conference on Republics and Republicanism» (Venice International University, 27–28 мая 2022, см.: <https://www.univiu.org/viu-life/news-archive/2177-republics-and-republicanism-conference-2022>). Кроме того, можно вспомнить и о событиях, посвященных в целом русской политической мысли и социальной теории — симпозиуме «Пути России», ежегодно проводимым МВШСЭН и «Интерцентром» (см.: <https://www.msses.ru/conferences/simposium-puti-rossii/>).

была посвящена обсуждению классических сюжетов древнеримской эпохи, связанных как с фигурами самих цезарей, так и с их интерпретацией в русской политической перспективе.

Исходной точкой дискуссии стал доклад *Константина Маркова* (ННГУ, Нижний Новгород) «*Идеальный принципат сенатора Кассия Диона: “абсолютная монархия” или “государственная система смешанного типа”?*», в котором он обращает внимание на новшества и отличия конституционного проекта римского историка от современного ему политического контекста императорской династии Северов. Свое выступление докладчик начал с реконструкции существующих дебатов между исследователями мысли Кассия Диона. Основное расхождение среди академического сообщества здесь обнаруживается в интерпретации сути новаторских предложений древнеримского историка — а именно конкретной модели политического устройства принципата. Часть историков считает, что нормативный проект Диона представляется в виде формы правления «смешанного типа», основанного на совмещении монархического и аристократического элементов и популярной в сенатской среде (к которой принадлежал Дион) идее сочетания принципата и свободы. Однако другие исследователи убеждены, что рассуждения Кассия Диона о взаимоотношениях императора и римской элиты являются не более чем риторикой, а действительный идеал Диона — «абсолютная монархия», где роль Сената ограничена и зависит от предрасположенности самого монарха. Докладчик не согласился с мнением о том, что Кассий Дион являлся приверженцем «абсолютной монархии», так как, несмотря на то что проект Диона не предполагал сенатских механизмов по отмене решений императора, правитель все же разделял с Сенатом часть полномочий путем предложенных античным историком институциональных нововведений.

В последовавшем за докладом обсуждении первый вопрос был задан Александром Мареем и был посвящен влиянию личных особенностей императора (например, харизмы или *auctoritas*) на предложенный Кассием Дионом проект. С точки зрения Константина Маркова, концепция Диона сводится к усилению именно институционального аспекта желаемого им политического устройства, в то время как различные символические и церемониальные функции императорской власти, наоборот, ослаблялись или передавались Сенату. Два вопроса *Олега Хархордина* (ЕУСПб) были посвящены причинам повышенного в последние годы интереса западных издательств к книгам про Кассия Диона и потенциальной возможности обнаружения еще неопубликованных частей «Римской истории». Исследовательский интерес к трудам Диона Константин Марков связал с их особой важностью в изучении отдельных периодов римской истории (особенно принципата Августа) и существованием сложившихся антиковедческих сетей в западной академии и скептически оценил шансы по нахождению утраченных фрагментов наследия Кассия Диона.

Олег Хархордин в докладе «*Октавиан Август “соединил монархию с демократией”*», согласно «*Римской истории*» Кассия Диона (LVI.43.4) — что это значит?» продолжил начатую Константином Марковым тему рассуждений о политической мысли римского историка. Хархордин сразу отметил, что его интерес к Диону не исторический, а политико-теоретический и был изначально обусловлен публикацией книг докладчика «Республика»² (в серии Европейского университета «Азбука понятий») и «Республика. Полная версия»³, в связи с которыми были актуализи-

2 Хархордин О. Республика, или Дело публики. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020.

3 Хархордин О. Республика. Полная версия. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021.

зированы проблематики «смесей» различных политических режимов. Докладчик указал, что, помимо «смешивания» монархии и демократии, Дион также предложил неклассическую периодизацию римской истории, выделив в ней периоды царства (*basileia*), народоправства (*demokratia*), время могущества сильных (*dynasteiai*) и вновь монархию (*monarchia*), которую он ассоциировал с принципатом Августа. Реконструируя аргументы Диона, Олег Хархордин отметил, что предпочтение римским историком монархической формы политического устройства основывается на его антропологическом пессимизме и убежденности в неотвратимости превращения демократии в господство сильных (*dynasteia*). Но есть ли в такой монархии какие-то демократические элементы? Опираясь на замечания современных исследователей, докладчик привел свидетельства как о возможном аристократическом прочтении *demokratia* в проекте Диона, так и о существовавших в Риме механизмах выражения народного недовольства.

Олег Хархордин завершил свой доклад практическим и теоретическим следствиями. В первую очередь он задался вопросом о том, как бы Кассий Дион мог прочитать российскую политическую ситуацию 90-х годов, где транзит власти в 1998—1999 годах можно было бы интерпретировать как противостояние различных групп «могущественных людей», укладывающееся в предложенное Дионом понятие *dynasteia*⁴. По итогу здесь могут складываться две противоположные оптики: с точки зрения оппозиции время «сильных людей» сменилось эпохой засилья, или насилия, а с точки зрения самой власти появилась политическая система, близкая к той, которую Дион видел в правлении Октавиана. Теоретический вопрос, который поставил Олег Хархордин, состоял в различии терминов, которые используют теоретики смешанного правления. В отличие от Цицерона и Кассия Диона, которые прибегают к метафоре смешивания различных форм (*permixta constitutione rei publicae* по Цицерону), у Полибия можно обнаружить первоначально военные метафоры — *sunistemi* («обзаводиться наемными войсками») и *sunathroidzo* («собирать вместе солдат»). Докладчик резюмировал эти размышления вопросом: «Как лучше “смешать” монархию и демократию (де-факто — аристократию), чтобы не составлять их вместе как солдат в армии у Полибия?»

Обсуждение доклада было начато *Андреем Медушевским* (НИУ ВШЭ, Москва): чем же все-таки являлся принципат — самостоятельной формой правления или эклектичным смешением разных форм? Свой вопрос исследователь проиллюстрировал сюжетом книги Лиона Фейхтвангера «Москва. 1937», в которой были проведены аналогии между событиями русской революции и эпохой первых цезарей в Риме. С точки зрения Олега Хархордина, соотнесение сталинского режима с принципатом Октавиана требовало бы обращения к другим интерпретациям, например работам Теодора Моммзена про Юлия Цезаря или Макса Вебера про плебсцитарную демократию. Александр Марей задал вопрос об интерпретации понятия *monarchia* в мысли Диона. Олег Хархордин отметил, что Дион разделяет *basileia* (время царей) и *monarchia* (начиная с Октавиана Августа), определив последнее в качестве позитивного термина.

Константин Ерусалимский (РГГУ, Москва / ЕУСПб) в докладе «*Прус, брат Октавиана Августа, и российская имперская идея в XV—XVII вв.*» представил рецепцию «римской идеи» в русской культуре и политической мысли XVI века. Формирование имперского самоощущения в России начала XVI века, с точки зрения докладчика, потребовало конструирования фигуры, равнозначной Октавиану Ав-

4 Об особенностях и возможных переводах этого термина см. подробнее: Хархордин О. Как соединить монархию с демократией: рецепты римской истории // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2023. Т. 7. № 1. С. 67—69.

густу, которой и стал «брат» римского принцепса Прус, чей образ претерпевал изменения в течение нескольких веков. Изначально (в «Сказании о князьях Владимирских») гипотетический родственник Августа мыслился как необходимый и далекий предок не только русских, но и прусских правителей, а уже позже, в «Степенной книге», приблизился к Рюрику в расстоянии до четырех поколений, сделав такое родство даже генеалогически невозможным. Но зачем понадобилась такая очевидная фикция? Как заметил Константин Ерусалимский, для 1510—1520-х годов был важен сам поиск идейных основ российской власти, в ходе которого были сформированы несколько противоречивых идей, которые так и не создали единого понимания «империи» и «имперскости». К таким элементам докладчик отнес также *translatio imperii* (переход места мирового царства из страны в страну) и концепцию «Третьего Рима» инока Филофея. Для внедрения фигуры Пруса, с точки зрения Константина Ерусалимского, не было теоретических оснований, так как уже были сформированы не только канон русской исторической книжности, но и устоявшиеся формы титулования русских правителей. Кроме того, образ Пруса переписывал существующие исторические дискурсы, связанные с переходом от ветхозаветных царств к новозаветной современности и последним империям из сочинений пророка Даниила. Докладчик резюмировал, что, несмотря на востребованность образа Пруса в политической культуре, в исторической памяти ее не было и в конечном итоге идея о Прусе была использована европейскими правителями как доказательство агрессивных устремлений России относительно Ливонии и Пруссии.

Первый вопрос к докладчику был задан *Дмитрием Травиным* (ЕУСПб) и касался того, насколько репрезентативной является обеспокоенность польских правителей образом Пруса для всей остальной Европы. Константин Ерусалимский ответил, что разница перспектив здесь связана, с одной стороны, с программой «христианской стены» из унии Короны Польской и Великого княжества Литовского, противостоящей «варварскому миру», а с другой — с большим вниманием к католической Европе и формируемым иезуитскими авторами представлениям о Московии. В конечном итоге докладчик отметил, что образ Пруса был гораздо важнее не внутри России, но в европейской политической культуре и дипломатических отношениях русских правителей и внешних контрагентов. Олег Хархордин поинтересовался причиной отсутствия в работах князя Андрея Курбского рассуждений об эпохе Октавиана Августа, на что докладчик отметил, что область интересов Курбского была довольно узкой и не включала в себя проблематику римской преемственности. Ольга Малинова (НИУ ВШЭ) задала вопрос о том, как можно определить историческую память для XVI века и какая группа являлась ее носителем. В своем ответе Константин Ерусалимский указал на то, что носителя такой памяти сложно представить ввиду анонимности и обобщенности русской книжности, а круг чтения авторов этого периода сильно ограничен.

Вторая секция под названием «Цезаризм в российской мысли XVIII—XIX вв.» была посвящена рецепции цезаризма и близких ему понятий и практик в российских политических дебатах. Первый доклад, «*Бонапартизм в политике Александра I в отношении Великого княжества Финляндского*», был прочитан *Натальей Потаповой* (ЕУСПб), раскрывшей особенности бытования формулы «Великое княжество Финляндское» в Наполеоновскую и постнаполеоновскую эпохи. Наполеон, с точки зрения докладчицы, стал создателем нового политического языка и стратегии аргументации, которые затем были использованы многими политиками в других ситуациях. Среди новых субверсивных понятий, связанных с деятельностью Наполеона, докладчица выделила «Великое княжество Финляндское», наполненное Бонапартом мобилизующим потенциалом и актуализированное во время заката Великих реформ Александра II в дебатах между либеральными фин-

скими политиками и консервативными русскими националистами. Докладчица описала существовавшие до публичной карьеры Наполеона европейские великие герцогства и особенности их политического устройства, а также возникшие в европейской прессе опасения по поводу возвращения титула «великого герцога Финляндского» в 1803—1804 годах. Наталья Потапова указала, что деятельность провозглашенного императором Наполеона по созданию новых великих герцогств актуализировала дискуссии о суверенитете монархов над такими политическими единицами, их взаимные права и обязательства. Кроме того, докладчица отдельно отметила соединение в речах Наполеона монархического и революционного дискурсов, его обращение к разным партиям, в чем и выражалась особая бонапартистская аргументационная стратегия, которая в конечном итоге повлияла на способы говорения о статусе Великого княжества Финляндского. Политическое обустройство полученной по результатам русско-шведской войны 1808—1809 годов Россией Финляндии в результате проходит именно по используемой Наполеоном модели основания великих герцогств, в которой просматривались некоторые парламентские и конституционные смыслы. Именно этот заложенный Бонапартом мобилизационный потенциал исторического дискурса затем стал источником аргументов в спорах о статусе и будущем Великого княжества Финляндского во второй половине XIX и начале XX веков.

Дискуссионным моментом стал вопрос о символической и практической ответственности Наполеона по отношению к императору Юстиниану, о чем размышлял Александр Марей, или Карлу Великому, как отметила в своем докладе Наталья Потапова. Олег Хархордин задал вопрос о правомерности маркирования Александра I «бонапартистом», на что докладчица ответила, что «бонапартистскими» уместнее называть как раз дискурсы, характерные для дискуссий второй половины XIX века. Модератора секции *Павла Лукина* (ИРИ РАН, Москва) заинтересовал вопрос о связи исторической памяти о Великом княжестве Литовском с обсуждаемой проблематикой. С точки зрения докладчицы, если и можно говорить о таких параллелях, то уже в рамках упомянутых дебатов после Великих реформ XIX века.

Вынесенная в название доклада *Виктора Каплуна* (ЕУСПб) «*Caesar non est supra grammaticos: российское Просвещение о тирании*» латинская максима отсылает к знаменитой статье Иммануила Канта «Что такое Просвещение?» и выступает своего рода девизом всего движения Просвещения. С точки зрения докладчика, этому девизу следовали и российские интеллектуалы последней трети XIX века, чьи интересы были связаны с просвещенческой теорией и практикой. Виктор Каплун напомнил о кантовском определении Просвещения как метафоры взросления, выхода из состояния несовершеннолетия и морального требования «пользоваться собственным умом». Несовершеннолетие здесь может быть соотнесено с рабством, когда человек подчинен воле другого. По мнению докладчика, помимо собственно морального воззвания, в этой статье Канта содержится также и политическое требование. Человек, по Канту, находится в состоянии несовершеннолетия не по собственной вине, но по воле «опекунов», которые с помощью средств государственного насилия и цензуры поддерживают людей в таком положении. Максиму *Caesar non est supra grammaticos* («Цезарь не выше грамматиков») докладчик трактует как то, что Цезарь (верховный правитель) не может указывать интеллектуалам, как им мыслить или как им управлять самими собой. Законная монархия, согласно Канту, отличается от деспотии тем, что в ней мнение монарха не является более авторитетным, чем мнение просвещенного разума, и что монарх не имеет права держать публику в состоянии несовершеннолетия. Далее Виктор Каплун указал на то, кого, через Вольтера, Кант понимал под *grammaticos* — публичных интеллектуалов, призванных формировать гражданское сообщество.

Влияние этой статьи и конкретной максимы Канта докладчик обнаружил у Александра Радищева в его тезисах, адресованных Екатерине II. Русский мыслитель также настаивал на отмене государственной цензуры, ссылаясь на «суждение общее» («public opinion» в трактовке докладчика) как единственный источник оценки того или иного произведения или высказывания. Виктор Каплун соотнес предложение Канта Фридриху II и Радищева Екатерине II о том, что, если монарх предоставит гражданам право публичного использования разума, то ему не нужно будет опасаться бунтов и революций. Докладчик также зафиксировал, что для интеллектуалов Екатерининской эпохи было характерно разделение монархии и деспотии, что можно обнаружить у Радищева в примечании к переводу сочинения аббата Мабли (он использует слово «самодержавство»), а также у Михаила Муравьева и Николая Карамзина. В конце своего доклада Виктор Каплун подытожил, что фигура Цезаря была для российских интеллектуалов важным символом, отсылающим к деспотии.

Олег Хархордин вспомнил фрагментарно дошедший до нас труд Цезаря о грамматике («De Analogia») и задался вопросом: может ли тогда Цезарь-ученый быть выше других таких же ученых-грамматиков? С точки зрения Виктора Каплуна, Цезарь имел бы право участвовать в публичной полемике только в этом качестве грамматиста, а не в качестве верховного правителя, который должен только обеспечивать возможность публичной дискуссии.

Заключительный доклад этой секции, «*Вторая Республика и Вторая Империя в трактовках А.И. Герцена 1850 — 60-х гг.*», прочитал Андрей Тесля (БФУ, Калининград). В самом начале докладчик очертил общую рамку суждений Александра Герцена, отметив, что, несмотря на частые упоминания, в его текстах довольно немного развернутых и доктринальных высказываний о Луи Бонапарте. Так, в «Письмах из Франции и Италии» Герцен придерживается хроникального стиля, стремится сохранить эффект записок очевидца. Более любопытным, с точки зрения докладчика, может быть обращение к началу пятой части «Былого и дум», где Луи Бонапарт и бонапартистский режим представляются Герцену не индивидуальным событием или ничтожной случайностью, как для французской оппозиционной публицистики, но симптомом больших и длинных событий — с весны 1848 года. Андрей Тесля отметил, что уже с 1852—1853 годов у Герцена появляется связная трактовка обоих Наполеонов, где Наполеон III дает ключ к Наполеону I. В брошюре «Франция или Англия» Герцен напрямую обращается к Александру II, предостерегая того от возможного союза с Бонапартом, «рокового орудия» и «избранника смерти». Русский мыслитель сопоставлял Бонапартов с Цезарями, в которых видел не причины, но следствия и симптомы. Эти тексты, по замечанию докладчика, являются переоценкой наполеоновского мифа, где переоценка Наполеона III, опиравшегося на образ предшественника, вела к переоценке фигуры его дяди. Андрей Тесля также зафиксировал, что в 1851—1853 годах Герценом была сформулирована концепция цезаризма как связки европейской реакции и России. С одной стороны, здесь возникает трактовка обеих наполеоновских империй как явлений стареющего мира, а с другой — начинающиеся для Герцена с Петра I русские цезари становятся явлениями молодого мира. Противопоставляя Петра I и Николая I, Герцен, по замечанию докладчика, описывал николаевскую Россию как империю, потерявшую свой смысл. Андрей Тесля завершил свой доклад тем, что еще раз отметил важную для Герцена метафору «печати смерти» на лицах цезарей и солдатских императоров, которую он противопоставлял новому началу и радикальной революции.

Первая реплика после доклада принадлежала Александру Марееву, которого интересовала возможность сравнения размышлений Герцена о Наполеонах с замет-

ками Светония о Юлии Цезаре, где уничижительные описания лишь подчеркивали величие фигуры. Андрей Тесля ответил, что такое сопоставление неверно, так как для Герцена на фоне Наполеоновской эпохи особенно «вырастал» XVIII век — причем как фигуры Старого режима, так и деятели революционной эпохи. Наталья Потапова задала два вопроса: о том, насколько сильно на Герцена повлияла эмиграция в Европу и включенность в совершенно другие относительно России дискуссии, и кого все-таки Герцен оценивал хуже — Николая I или Луи Бонапарта. С точки зрения Андрея Тесли, Герцен еще в России был включен во французский наполеоновский миф, отказавшись от него именно в Европе, и оценивал хуже скорее Николая I как фигуру в разладе со своим временем, в отличие от Наполеона III.

Третья секция конференции под названием «Цезаризм в европейской мысли XIX—XXI вв.» была посвящена реконструкции общеевропейского понимания концепции цезаризма и цезаристских политических практик. В первом докладе, «*Отто фон Бисмарк — Бонапарт или Цезарь?*», Николай Власов (СПбГУ) проанализировал соответствие механизмов власти имперского канцлера понятиям «цезаризм» и «бонапартизм». Докладчик начал повествование с описания концепций цезаризма и бонапартизма, сформированных в первую очередь в марксистской теории, и тех критериев, которые позволили Фридриху Энгельсу определить режим Бисмарка как бонапартистский. Докладчик раскрыл содержание каждой из характерных для бонапартизма черт в их отношении к политике германского канцлера — плебисцитарный характер власти, милитаризованность общества, надпартийный характер режима и харизматическую, практически «магическую» популярность фигуры Бисмарка. Однако, несмотря на очевидную истинность таких суждений, докладчик отметил, что это не позволяет назвать режим канцлера в полной мере бонапартистским, так как здесь можно наблюдать совпадение только внешних или некоторых существенных сходств.

Николай Власов указал, что при отнесении режима Бисмарка к бонапартистским само определение «бонапартизма» может стать слишком широким, а характерный для установления бонапартизма цикл (по аналогии со Второй империей во Франции) Германия пройдет только в первой половине XX века. Немецкие революции 1848—1849 годов не привели к слому «старого порядка», приход к власти Бисмарка не сопровождался масштабным кризисом и сопутствующей поддержкой значительной части населения, а его реформаторская деятельность привела к созданию или укреплению реально функционирующих и неподконтрольных канцлеру институтов.

Олега Хархордина заинтересовала возможность определения Бисмарка «цезаристом» в политике, главой которой и так является кайзер-цезарь. Николай Власов ответил, что самого Бисмарка часто обозначали как «мажордома» с отсылкой к терминологии Каролингской империи.

Второй доклад, «*Цезаризм и бонапартизм. Генеалогия концепции в немецкой мысли XIX—XX вв.*», прочитал Юрий Басилов (независимый исследователь, Санкт-Петербург). Рассуждения докладчика реконструировали статью «*Cäsarismus, Napoleonismus, Bonapartismus, Führer, Chef, Imperialismus*» («Цезаризм, наполеонизм, бонапартизм, фюрер, вождь, империализм») историка Дитера Гро, принадлежавшего к немецкой школе *Begriffsgeschichte*. Как заметил докладчик, немецкий историк считал, что цезаризм и бонапартизм, как основывающиеся на историко-философской или ситуативной легитимации формы господства, пришли на смену предшествующим формам господства, которые отсылали к традиции или религии. Исследование генеалогии этой совокупности понятий начинается у Гро с французской мысли XV—XVIII веков через философию Просвещения у Монтескье и Руссо и утопическую немецкую мысль. Отдельно Юрий Басилов остановился на разных

образах бонапартизма в немецкой социальной философии, прежде всего у Фердинанда Лассалья, Карла Маркса и Фридриха Энгельса, по мнению которого бонапартизм защищал интересы буржуазии, часто противоречащие интересам самой диктатуры. Понятия «цезаризм», «бонапартизм» и «империализм» были центральными политическими лозунгами, с которыми социал-демократия боролась против правящей политической системы в Германии. Докладчик отметил, что уже позже рассмотрение обозначенных понятий переходит в область историко-философского исследования и общественных наук, вне их политизации для повседневного использования в пропаганде. В конце своего доклада Юрий Басилов остановил внимание на рассуждениях о цезаризме у Освальда Шпенглера и немецких авторов первой половины XX века — Макса Вебера и Карла Шмитта.

Завершил секцию Андрей Медушевский докладом *«Демократический цезаризм: от исторических форм к современной конституционной диктатуре»*. По мнению докладчика, в самом понятии «демократический цезаризм» присутствует конфликт двух основных элементов — свободы и безопасности, каждому из которых присущи собственные апологетические традиции. Во времена Французской революции было сформулировано четкое правовое осмысление этой дилеммы — через конструирование принципов народного суверенитета и представительства. Оба этих принципа, по мнению докладчика, в итоге легли в основу двойной легитимности Наполеона Бонапарта — одновременно демократической и персоналистской. Затем Андрей Медушевский выделил либеральную (Виктор Гюго), революционную (Карл Маркс) и реформистскую (Пьер-Жозеф Прудон) интерпретации бонапартизма, а также синтетический подход Алексиса де Токвиля. Далее докладчик выделил черты бонапартизма с точки зрения современной теории: идеология консерватизма, централизация власти, ограничение законодательной власти, дискредитация парламентских дебатов, ограничение многопартийности, подавление автономных центров гражданского общества, превращение правительства в административный орган главы государства. Бонапартизм, как отметил докладчик, выполняет функцию социальной мобилизации расколотого общества, чем и объясняется эклектичность его идеологии и практик. Андрей Медушевский заметил, что необходимо различать бонапартизм как политическую систему и как идеологию, которая может быть применима для анализа некоторых российских сюжетов — от политического проекта декабриста Пестеля до выступления генерала Корнилова и советских внутрипартийных дискуссий 1920-х годов, насыщенных аллюзиями на Французскую революцию. Также докладчик остановился на концепции «конституционной диктатуры», предусматривающей ограничение прав человека для защиты конституционализма. В качестве иллюстрации Медушевский привел примеры программы «превентивного государства» в США после терактов 11 сентября 2001 года, авторитарные тенденции в «новых демократиях», а также дискуссии о «глобальном чрезвычайном положении» в связи с экологическими или эпидемиологическими угрозами. В завершение своего доклада Андрей Медушевский с помощью теории «демократического цезаризма» проанализировал поправки в Конституцию РФ 2020 года, которые изменили баланс конституционных приоритетов с защиты прав на обеспечение безопасности.

Внимание участников четвертой секции, «Цезаризм и внешняя экспансия: исторические случайности или свойство политической формы?», было сконцентрировано на связи между цезаристскими режимами и имперскими практиками. Вступительное слово модератора секции Федора Лукьянова (НИУ ВШЭ, Москва) было посвящено непреходящей актуальности внешнеполитических форм поведения, снижению влияния дипломатических служб и усилившейся персонализации внешней политики вокруг глав государств.

Первый доклад секции, «*Бонапартизм и империализм*», был прочитан Григорием Юдиным (МВШСЭН, Москва). Выступление стало развитием тезисов докладчика, которые изначально были изложены им в статье «Россия как плебисцитарная демократия»⁵. В самом начале Григорий Юдин описал динамику развития бонапартистского режима от его установления до поражения в войне, последующего краха и восстановления республики, иллюстрациями чему могут служить примеры Второй республики во Франции и Веймарской республики в Германии. Но в чем причина такой повторяющейся динамики и связаны ли такие империалистические тенденции со всеми цезаристскими режимами или они характерны только для бонапартизма, опирающегося на массовое избирательное право? Бонапартистский демонтаж республики Григорий Юдин увязал с изъятием из нее классического для смешанных форм правления аристократического элемента и установления того, что можно было бы назвать «монархией с демократическим основанием». С опорой на теоретические посылки Карла Маркса, Вильгельма Рощера и Карла Шмитта докладчик выделил причины неотвратимой внешней экспансии бонапартизма: необходимость снятия классового конфликта, привычка к решению проблем силой в отсутствие опыта политической конкуренции и систематически завышенная оценка внешних рисков. Восстановление республики, таким образом, также и связано с осознанием ценности внутреннего конфликта, всячески вытесняемого бонапартизмом.

На вопрос Андрея Медушевского о перспективах цезаристских режимов в случае их военных успехов Григорий Юдин дифференцировал классический цезаризм и его частный случай, бонапартизм, у которого в ситуации национальных государств отсутствует достаточное пространство для имперского расширения. Александр Марей задался вопросом о том, не ведет ли к внешней экспансии бонапартистских режимов именно недооценка возможных рисков — как в случае с Луи Бонапартом, ввязавшимся в войну в том числе с далекой Мексикой. Докладчик согласился с тем, что такое систематическое преуменьшение опасностей в конечном счете и ведет к переоценке возможностей бонапартистского режима, чьи авантюры неизбежно заканчиваются финальной неудачей.

Второй доклад секции, «*Гульельмо Ферреро и негативность в империализме*», прочитал Артемий Магун (ЕУСПб), реконструировавший мысль итальянского историка и его теорию цезаризма. Докладчик сразу же отметил удачность и аналитический потенциал понятия «цезаризм» относительно менее очевидных для него терминов «авторитаризм» и «автократия». Кроме того, Артемий Магун также настоял на необходимости пересмотра канона политической теории XX века и выдвинул ряд тезисов в поддержку этого утверждения, напрямую связанных с фигурой Гульельмо Ферреро. В работах итальянского историка, с точки зрения докладчика, можно обнаружить не только некоторые пересечения с теоретическими посылками другого католического консерватора — Карла Шмитта, но и те аргументационные позиции, которые позволяют говорить о его отдельном и самостоятельном месте как в итальянской мысли, так и в теории негативности.

В дальнейшем Артемий Магун подробно описал этапы развития мысли Ферреро, в которых особенно выделяются 1930-е годы, когда историк сформулировал новую теоретическую оппозицию — революции и легитимности. Последняя связана с взглядом Ферреро на историю, начиная с Французской революции и до Второй мировой войны, как «серии катастроф», в которой отказ от легитимной монархической формы власти вызвал всеобщую панику. Именно этим страхом и объяс-

5 Юдин Г. Россия как плебисцитарная демократия // Социологическое обозрение. 2021. № 2. С. 9—47.

няется авантюристский характер правления Наполеона, которому Ферреро противопоставляет Талейрана, объединившего в послевоенном устройстве Европы династический и репрезентативный принципы. В конечном итоге итальянский историк сформулировал собственную политическую философию, в которой сущность власти составляет взаимный страх между сувереном и народом. На основании аргументации Ферреро Артемий Магун предложил оригинальную трактовку российской истории после 1991 года, где основаниями легитимности нового государства стали национально-революционный и капиталистический принципы, приведшие к взрыву негативности и установлению цезаризма в интерпретации Ферреро. Необходимо выстраивание нового баланса легитимности — но где новый Талейран?

Первый вопрос со стороны Александра Мареев касался инструментальной роли страха в мысли Томаса Гоббса, на что Артемий Магун напомнил о разнице между такой гоббсовской трактовкой и позицией Ферреро, не считавшего страх основанием легитимности. Григорий Юдин уточнил аргумент итальянского историка о страхе и возможности перенаправления этого аффекта, не приводящего по итогу к слому существующих политических структур. Артемий Магун ответил, что все примеры Ферреро говорят о том, что создание новых институтов и соотношения принципов легитимности возможно только после «большой катастрофы», но затем добавил, что все еще продолжает существовать определенная надежда на силу авторитета.

Третий и завершающий доклад секции под названием «*Империя против всемирного общества*» прочитал Александр Филиппов (НИУ ВШЭ, Москва). Само выступление докладчик предварил двумя замечаниями о перешедшей к суверену функции учредительной власти и бонапартистских фигурах как проводниках объективных процессов и условий.

Александр Филиппов напомнил о важном различии между действиями «крупных тел» и теорией социальных событий, а также связанных с этим разных традиций социальной мысли, отсылающих к Макс Веберу и Никласу Луману соответственно. Из этого же исходят и две противопоставленных концепции понимания пространства как ограниченного территорией государства или неограниченного «мирового общества». Далее Александр Филиппов остановился на осмыслении понятия «империя» в социальной теории, от уже упомянутых Вебера и Лумана до Карла Шмитта, которому империя представлялась пространством закона без внятно определенных границ. С точки зрения докладчика, у империи отсутствуют границы, но есть горизонт — как имперская миссия, область возможной экспансии, в пределе заключающая в себя весь мир. И здесь Александр Филиппов обнаружил противостояние двух возможных трактовок горизонта и принципов универсальности, как связанной с пространством мировой империи и основанного не на территории, но на коммуникации мирового общества. Основное напряжение, которое здесь возникает, состоит в том, что, несмотря на показанное в 1991 году преимущество концепции мирового общества, имперские формы мышления продолжают сохраняться и воспроизводиться. В связи с этим в конце своего выступления Александр Филиппов также напомнил о пугающей актуальности сочинения Карла Шмитта «Порядок больших пространств» 1939 года, в котором немецкий мыслитель предлагал идею переустройства межгосударственных отношений как сосуществования нескольких имперских проектов.

В начавшейся после доклада дискуссии модератор Федор Лукьянов акцентировал внимание на возможном имперском характере самого мирового общества как единственного гегемона. Александр Филиппов ответил, что с такой интерпретацией можно согласиться, в особенности в тех случаях, когда внутри мирового общества проводятся границы и действует принцип исключения. Артемий Магун, согласившись с конечной безальтернативностью воплощения мирового общества,

поспорил с рассуждениями докладчика о восстановлении имперских форм мышления о пространстве и поинтересовался эмпирическими свидетельствами таких посылок. Александр Филиппов отметил, что можно с уверенностью говорить если не об успешности имперских *проектов*, то о наличии имперских *действий*. Кроме того, отдельно докладчик отметил отсутствие общемировых принципов легитимности, к которым можно было бы прибегнуть для разрешения в том числе сегодняшней конфликтной ситуации.

Финальным событием конференции стала панельная лекция американского историка Дэвида Белла (Принстонский университет, США) «Democratic Republicanism, Caesarism, and the Charismatic Bond in the Age of Revolution» («Демократический республиканизм, цезаризм и харизматическая связь в эпоху революции»). Само выступление было основано на недавно вышедшей книге докладчика «Всадники: власть харизмы в эпоху революции»⁶, в которой он применяет концепцию харизмы Макса Вебера как категорию исторического анализа. Уже в начале Дэвид Белл акцентировал внимание слушателей на том, какую роль играет аффект любви и в целом эмоции в политике от античных времен до современности, в особенности в случае революционных лидеров и оснований их легитимности. Затем докладчик перешел к анализу пяти сюжетов, каждый из которых был сконцентрирован вокруг фигуры того или иного харизматического революционера: главы Корсиканской республики Паскаля Паоли, первого президента США Джорджа Вашингтона, императора французов Наполеона I, лидера Гаитянской революции Туссен-Лувретора и борца за независимость латиноамериканских колоний Симона Боливара. Всех их, как заметил Дэвид Белл, объединяло повышенное внимание к любви как источнику власти и особой, прямой связи с руководимыми ими народами. Такой аффект затем сохранялся и после смерти этих политических деятелей, становясь основой посмертного культа революционеров, включавшего в себя как детальные биографии, так и устойчивые визуальные образы. Несмотря на то что каждый из этих лидеров в какой-то степени ориентировался на фигуру Фридриха Великого, их аффективные отношения с людьми отличались от еще традиционного поклонения подданных прусскому королю, а их любовь к революционерам была практически романтической. По замечанию Дэвида Белла, именно этот аффект рутинизированной харизмы стал новым источником легитимности демократических республик, созданных не из божественного права или династической преемственности, но любви к своим основателям. Отдельно докладчик остановился на рисках и опасностях, которые несла в себе такая неограниченная аффективная связь между правителем и народом для конституционного устройства их стран. В последней части доклада Дэвид Белл уделил особое внимание дилемме, стоящей перед демократическими республиками начиная с революционной эпохи: как добиться того, чтобы любовь к конкретной фигуре, воплощающей в себе абстрактные революционные принципы, не затмила любовь к самим этим принципам? На примере Французской революции докладчик рассказал о трансформации политики эмоций и поисках новых истоков легитимности, которые сопровождали революционные события вплоть до правления Наполеона I, а также влиянии такого харизматического цезаризма на последующих политиков вплоть до наших дней.

В открывшейся после доклада дискуссии модератор Олег Хархордин задал первый вопрос, обращавший внимание на возможную связь между исследуемым докладчиком аффектом любви и сверхчеловеческими способностями, которыми обычно наделяли харизматических лидеров. Дэвид Белл подтвердил это предпо-

6 Bell D. Men on Horseback: The Power of Charisma in the Age of Revolution. Farrar, Straus and Giroux, 2020.

ложение и сослался на приведенные в его книге сюжеты об экстраординарных качествах революционных лидеров. Федора Лукьянова заинтересовала связь между аффектами любви и ненависти: нужно ли кого-то или что-то ненавидеть, чтобы испытывать любовь к защищающему от этих опасностей лидеру? С точки зрения докладчика, в исследуемом им периоде гораздо бóльшая связь может быть обнаружена между объединяющей любовью к лидеру и страхом перед расколом коллективного тела. Артемий Магун дополнил эту дискуссию отсылкой к связи страха и цезаризма в своем докладе про Гульельмо Ферреро, а также задал вопрос о политико-теологических коннотациях аффекта любви в упомянутых Дэвидом Беллом сюжетах. Докладчик отметил, что, действительно, в эпоху революций религиозный язык был крайне распространен, однако его применение отличалось в зависимости от конкретного контекста — например, североамериканского или относительно более секулярного французского. Затем Олег Хархордин задал еще три вопроса: об адекватности отнесения законно избранного Джорджа Вашингтона к цезаристским фигурам, фальсификации выборов исследуемыми докладчиком персонажами и о рисках, которые несет в себе аффективная связь между лидером и нацией. Как заметил Дэвид Белл, в случае первого президента США также необходимо обращать внимание не только на произошедшие события, но и на цезаристский потенциал его фигуры, который мог бы реализоваться в альтернативных обстоятельствах. Историк также зафиксировал, что никто из представленных персонажей, за исключением Наполеона, не фальсифицировал выборы, однако их можно уличить в запугивании и давлении на оппозиционные прессу и партии. В контексте опасностей, связанных с исследуемым аффектом любви, Дэвид Белл напомнил о связи между харизматической поддержкой Наполеона и его агрессивной внешней политикой, а также общей жесткостью его режима во Франции. Финальный вопрос секции и всей конференции был задан Олегом Хархординым и касался связи таких конференций по цезаризму с внешним контекстом — в том числе избранием президентом США Дональда Трампа в 2016 году. Дэвид Белл отметил, что, несмотря на проигрыш Трампа в 2020 году, используемая им ролевая модель продолжает быть привлекательной для многих политиков, а значит, цезаризм до сих пор остается актуальной проблемой.

* * *

Прошедшая конференция высветила не только актуальность исследований цезаризма и отдельных цезаристских практик, но и еще раз напомнила о необходимости постоянного обращения к сюжетам и образам прошлого, которые, как оказалось, не так сильно отличаются от сегодняшнего времени. Начиная с далекого античного периода, через эпоху Просвещения, революционные времена, тотальный XX век и до близкой нам современности сменяющие друг друга фигуры цезарей часто совпадали до полной неразличимости, хотя их кажущаяся общность в результате была лишь внешним сходством. В течение бурного и насыщенного дня конференции собравшимися в Европейском университете политическими теоретиками и историками были реконструированы истоки и основные характеристики цезаристских режимов, причины их воспроизводства и неизбежного упадка, а также определены те понятийные и теоретические следы, которые они оставили в опыте мировой политической мысли. Будучи еще недавно маргинальным и забытым понятием, «цезаризм», как показали обсуждения на конференции, вполне может претендовать на статус актуального и рабочего термина для анализа текущей внутриполитической и международной ситуации, заменив собой традиционные для

академической политической науки понятия «автократия» или «авторитаризм». Вместе с «республикой», неизбежной тенью которой он является, «цезаризм» сможет сказать о вызовах, опасностях и катастрофах нашего времени больше, чем что бы то ни было, а значит, и необходимость политической теории вновь заявляет о себе в полную силу.

Михаил Куренков

Международная научная конференция «XXX Лотмановские чтения “Литература и комментарий”»

(ИВГИ РГГУ, 23—24 декабря 2022 года)

DOI: 10.53953/08696365_2023_182_4_396

2022 год был годом столетия Лотмана; по-видимому, последним из мероприятий, связанных с этим юбилеем, стали ежегодные Лотмановские чтения — конференция, которая в первый раз была проведена в декабре 1993 года, через два месяца после смерти ученого. Нынешние Лотмановские, по счету тридцатые, прошли в Институте высших гуманитарных исследований им. Е.М. Мелетинского 23—24 декабря 2022 года.

Тема для них была выбрана очень лотмановская: «Литература и комментарий». Ведь Лотман, как известно, был, среди прочего, автором новаторской монографии «Роман А.С. Пушкина “Евгений Онегин”. Комментарий». В 2003 году Лотмановские чтения уже были посвящены сходной проблематике. Те давние чтения назывались «Комментарий умер? Да здравствует комментарий!»¹ С тех пор стало ясно, что комментарий не только не умер, но, наоборот, расцвел под пером некоторых коллег так прекрасно, что стал выходить отдельными изданиями. Поэтому организаторы конференции предложили всем участникам поделиться своими находками и наблюдениями, связанными с комментариями к литературным текстам. И вот что из этого получилось.

После короткого вступительного слова директора ИВГИ Сергея Серебряного конференцию открыл *Михаил Безродный* (Гейдельбергский университет, Германия), выступивший с докладом «*Дом графини ****». Безродный, учившийся у Лотмана в Тартуском университете, начал свое выступление с блестящей мемуарной виньетки (если воспользоваться термином, введенным в литературный обиход Александром Жолковским) о том, как он сдавал Лотману экзамен по «Пиковой даме», причем виньетка эта не только рисует замечательный портрет Юрмиха, как называют его тартуские выпускники, но вдобавок в стилистическом отношении сама представляет собой тонкое подражание пушкинской повести, и потому я не могу удержаться от желания хотя бы частично ее процитировать: «В зимнюю сес-

1 Отчет о них см.: *Мильчина В.А.* Хроники постсоветской гуманитарной науки: Баньные, Лотмановские, Гаспаровские и другие чтения. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 156—182.